

ВЯЧЕСЛАВ ГЛАЗЫЧЕВ

Комментарий к статье Анкерсмита

Очевидность слабости демократических институтов в России служит, кажется, основным препятствием для ее углубленного осмысления. В самом деле, десятилетия негативного отбора в популяции, устойчивое недоверие к властям, сочетаемое с таким же устойчивым потребительским отношением к государству, и т. п. суть вещи несомненные. Однако же эти несомненные вещи отнюдь не помешали возрождению предприимчивости на всех горизонтах социальной конструкции или, скажем, вспышке эксгибиционизма всех мастей. Темп обучения манипулятивным умениям в столкновении с новой бытовой техникой оказался достаточно высок, тогда как освоение контактности с внешним миром и вовсе произошло очень быстро. Можно не без оснований говорить о глубокой реконструкции содержания рационального, о явном расширении зоны рационального в мышлении постсоветского человека, коль скоро большинство домохозяйств страны научились преодолевать трудности поддержания самоидентичности.

Отчего же подобное не наблюдается в отношении нехитрого, казалось бы, процесса разучивания процедур взаимоотношений с властью, дозволенных и даже поощряемых как законом, так и начальством?

Неопытность не в счет — 12 ноября 1917 г. проголосовали почти 45 млн. человек, что для условий военного времени более чем недурно. Никто из них не обладал опытом пользования «всеобщим, без различия пола, и равного избирательного права посредством прямых выборов и тайного голосования с применением начала пропорционального представительства». Те, кто ранее участвовал в определении выборщиков в сословную Государственную Думу, или в подготовке к съездам Крестьянского Союза, особого доверия к институту выборов иметь не могли. Однако же результаты говорят сами за себя. Напомним: за большевиков проголосовали 24%, за эсеров, меньшевиков, эсдеков и прочих левых — 59%, за кадетов и прочих правых — 17%. Расклад голосов вполне точно отразил картину народных предпочтений. Дальнейшие события к делу отношения не имеют. 85% сельского населения, 5% — полурбочего-полукрестьянского, 83% голосов, отданных за левые партии, — рациональность выбора большинства совершенно прозрачна. Провидеть

конкретность результатов не мог никто, но вектор движения был в полном смысле слова представительным.

Что же случилось такого, что после эйфории Съезда Народных Депутатов СССР наблюдается последовательный спад интереса отечественного электората к выборам как таковым? Добро бы, дело ограничивалось выборами президента и губернатора – присущий нашим соотечественникам здоровый цинизм препятствует им уверовать в то, что их голос что-то значит. Наконец, можно понять, что тот же здоровый цинизм не позволяет уверовать в значение парламента в стране, где правоприменение полностью зависит от исполнительной власти. Но как объяснить тот факт, что в местных выборах самый институт все чаще оказывается под угрозой?

Разумеется, нет недостатка в сторонниках полумонархических доктрин, которые яростно убеждают нас в том, что российский народ интуитивно отвергает саму идею представительной власти. Однако же, повторим, форсированный акцент на интуитивности решительно не соответствует общей рациональности поведения российских граждан.

Представляется, что и без обращения к вещам неуловимым цепочка рассуждений может быть выстроена следующим образом.

После полувека с лишком насильственной коллективизации всех сторон бытия российский человек все еще полноценно переживает приватизацию собственной жизни, робким, но тем более важным началом которой стало великое переселение народов в отдельные квартиры при Хрущеве. Приватизация фактическая дополнена приватизацией символической: мир персональный или семейный, отчасти дополненный союзными «планетами» надежных друзей, выступает как единственная обитаемая земля в космосе, если и не обязательно враждебном, то непременно холодно-безразличном. Не исключено, что в богатой истории человечества можно найти правдоподобную аналогию для нашей «деколлективизации», но сделать это, во всяком случае, не просто. Государственный «космос» – среда существования, данная в ощущениях. По возможности следует ловить любые потоки вещества и энергии, какие в этом космосе есть, но иметь к нему отношение немислимо. Наверное, именно этим объясним российский феномен: в выборах принимает участие минимум молодежи, в особенности студенческой молодежи. Именно этим, скорее всего, можно объяснить отсутствие политических партий, выстраиваемых снизу-вверх.

Проверено множеством экспедиций: по российским городам можно обнаружить отдельные очажки корпоративного сотрудничества, как правило, имеющие характер «обществ совместной защиты от произвола», можно найти примеры локальных сетей, ядрами которых оказываются лицеи, музеи, художественные мастерские. Вполне понятно, что подобные островки самоорганизации либо вообще обходятся без контактов с исполнительной властью, либо устанавливают с ней некие «личные» отношения. Если власть меняется, отношения приходится устанавливать заново, но при этом взаимодействие с конструкциями представительных органов т. н. местного самоуправления оказывается излишним. Однако есть и признаки противонаправленной метаморфозы.

Первым знаком изменения ситуации стал обнаруженный нами факт: на районном уровне, в малых городах складываются деловые «клубы». Поскольку

ку функционирование местной власти в огромной степени зависит от материальной поддержки со стороны членов деловых сообществ, поскольку в малых городах сложение таких сообществ есть условие существования каждого из их членов, местная исполнительная власть фактически не предпринимает ни одного действия без консультации с «клубом». Его участники стремятся легитимировать свое положение, все чаще принимая на себя не слишком обременительные функции в составе районного собрания. Все чаще региональные власти, определяя кандидатов на должность районных начальников, во всяком случае принимают во внимание мнение «клуба». Однако же путь от этой локализованной фазы к формированию регионального «клуба» весьма длинен и утыкан препятствиями, обойти которые удастся не раньше, чем за эту задачу всерьез возьмутся политические клубы федерального значения, если и когда они начнут строить действительные партии. Строить так же труднолюбиво, как это делалось ровно сто лет назад.¹

Какое все это имеет значение для обсуждаемой темы демократии? Может быть, никакого, тем более что демократия и на Западе отнюдь не переживает лучшие свои дни. Будущее не предопределено фатально, оно по-прежнему до известной степени конструируемо. Трудно представить себе, чтобы поколение, которому предстоит вырасти в семейных социальных «молекулах», не захотело попробовать на вкус те или иные формы кооперации интересов. Скорее всего, поколение 2001 года рождения сочтет разумным подхватить и использовать архаические партийные конструкции — за неимением других. Если так, то в наших широтах споры вокруг модели демократии могут обрести актуальность где-то около 2020 года, когда сойдет со сцены поколение, для которого слово компромисс сохраняет оттенок чего-то скверного. Недаром ведь в русском языке нет глагола «компромировать», и на компромисс всегда шли как на эшафот.

¹ Полезно припомнить, насколько серьезно к этому подходили большевики: «Товарищи! Близится время выборов. Вмешайтесь в дело, пока не поздно, и организуйте выборную кампанию. Создавайте летучие группы агитаторов из рабочих и работниц, солдат и матросов и устраивайте краткие лекции о платформе. Снабжайте эти группы литературой и рассылайте их во все углы России. Пусть их голос разбудит деревню к предстоящим выборам в Учредительное собрание. Создавайте партийные группы в волостях и уездах и сплавивайте вокруг них широкие слои крестьянской бедноты. Организуйте совещания по волостям, уездам, губерниям для укрепления революционно-партийных связей, для намечения кандидатов в Учредительное собрание. Велико значение Учредительного собрания. Но неизмеримо больше значение тех масс, которые остаются вне Учредительного собрания. Сила не в самом Учредительном собрании, а в тех рабочих и крестьянах, которые, творя своей борьбой новое революционное право, будут двигать вперед Учредительное собрание. Знайте, что чем организованнее будут революционные массы, тем внимательнее будет прислушиваться к их голосу Учредительное собрание, тем обеспеченнее будет судьба русской революции. Поэтому главная задача на выборах — сплочение широких масс крестьянства вокруг нашей партии. За дело же, товарищи!». — «Рабочий и Солдат» №4, от 27 июля 1917 г. Подпись: К. Сталин.